

Глава 4

В народных традициях империи Дали обычай «саньчао хуэймэнь» — возвращение в отчий дом на третий день после свадьбы — соблюдался строго. Сам день венчания в расчет не брался. Отсчет начинался с того утра, когда муж-зять подносил чай свекрам после первой брачной ночи. С того момента шел третий день.

И этот день настал именно сегодня.

— Чжоучжоу, ты куда? Не достирал же! — в недоумении крикнул вслед Син-гэ'эр.

Ли Чжоучжоу, подхватив таз с мокрым бельем, даже не обернулся.

— Вернусь после полудня! — бросил он на ходу, быстро перебирая длинными ногами.

— Да куда ж ты так торопишься, время-то еще раннее... — Син-гэ'эр осекся, глядя на пустую дорогу, и вдруг вспомнил их недавний разговор о возвращении в родительский дом.

«Неужто из-за этого?»

Ему казалось, что юноша пропустил его слова мимо ушей — тот ведь продолжал как ни в чем не бывало стирать. А теперь сорвался на полпути.

Ли Чжоучжоу почти бежал до самого дома. Лишь у калитки он замедлил шаг и, стараясь не шуметь, проскользнул во двор. Поставив таз на ступеньки, он шмыгнул на кухню. Достав из шкафа банку, он расстелил промасленную бумагу и высыпал на неё горсть жареных семечек и сухофруктов — то, что осталось от свадебного угощения. Аккуратно упаковав гостинец, он припрятал емкость обратно.

Зная, что муж занят чтением, Чжоучжоу не стал его беспокоить. Сверток в руках он понес к соседке, тётушке Ван.

В деревне Сипин, насчитывавшей сотню дворов, фамилии Ли, Ван и Чжан встречались чаще всего. Тётушка Ван была женщиной доброй. Когда Ли Чжоучжоу был еще мал и слаб, она не раз выручала их с отцом: помогала с тяжелой работой, учила шить одеяла и делать обувь.

В те времена Ли Да с сыном ютились в жалкой лачуге с прохудившейся крышей. Кухни у них не было, и еду готовили на самодельной печи прямо во дворе. Позже Ли Да сменил мазанку на две глинобитные комнаты, а затем — и на нынешний добротный дом из синего кирпича под черепичной крышей. И почему-то с тех пор тётушка Ван стала держаться отчужденно.

У семьи Ван не было забора — их двор отделяла от соседей лишь кирпичная стена Ли.

Скромный огород, три жилые комнаты из утрамбованной желтой глины, крыша, где черепица вперемешку с соломой едва держала тепло. Вместо полноценной кухни — пристройка-шалаш.

У тётушки Ван было трое детей. Старший сын женился в позапрошлом году, среднему было двенадцать, а дочке — всего четыре. Вся большая семья уютилась в трех комнатах. Хозяйка привыкла считать каждую монету: дети росли быстро, не успеешь оглянуться, как среднему пора будет справлять свадьбу, а значит — строить новый дом. А это всё деньги.

— Матушка, Чжоучжоу-гэ пришел!

Тётушка Ван вышла из кухни и строго прикрикнула на дочку:

— Линлин, теперь нужно называть его дядюшкой!

Раз гэ'эр вступил в брак, дети должны звать его подобающим образом.

Ли Чжоучжоу вежливо поздоровался и протянул бумажный сверток.

— Тётушка Ван, я пришел спросить... что полагается брать с собой, когда возвращаешься в дом родителей на третий день?

— Возвращаешься? — Женщина на миг растерялась, а потом хлопнула себя по лбу: — Ох, голова садовая! Совсем забыла, что ты мужа в дом взял. Сегодня же и впрямь третий день после свадьбы!

Юноша вложил сверток в руки маленькой Линлин, не давая соседке возразить:

— Это семечки со свадьбы, сущая мелочь.

— Ну зачем же, я и так бы всё рассказала, — заулыбалась тётушка Ван. Она велела дочке отнести сладости в дом и охотно пустилась в объяснения: — Когда мой старший женился, мы на третий день везли мясо, сахар и вино. Эти три вещи — самое главное, без них никак нельзя.

Посмотрев на расстроенное лицо Ли Чжоучжоу, она со вздохом добавила:

— Но сейчас ты уже не успеешь. Возвращаться нужно спозаранку. Странно, что домашние не подсказали... Но раз уж так вышло, подготовь всё как следует и выбери утро, чтобы поехать. Главное — успеть до полудня.

Полный тягостных раздумий, Ли Чжоучжоу вернулся к себе. А в это время на соседской кухне невестка тётушки Ван слушала причитания свекрови:

— Вот ведь как бывает... Даже если разделили дом, всё равно ведь родня, а живут как чужие. Старший сын мужа в дом берет, а старики Ли даже вина за его здоровье не приехали выпить. Отрезали всё дочиста.

— А вторая невестка, жена Ли Эра, хоть бы словом обмолвилась, всё-таки тётка родная, — продолжала соседка, шинкуя овощи. — Видала я её в день свадьбы: пришла, за стол уселась, пузо набила, а как посуду мыть — так и след простыл. Видно, решили, что от Ли Да им больше проку нет, вот и подлизываются к тому, что в городе устроился.

Невестка, недавно вошедшая в семью, любопытствовала:

— Матушка, а почему они так разругались?

Обычно большие семьи делятся, когда становится тесно, но чтобы родители знаясь не хотели с родным сыном... Чжоучжоу, хоть и гэ'эр, но ведь их кровь.

— Это долгая история, — валец застучал по доске громче. — Ли Чжоучжоу — дитя несчастное. Его а-де, тот, что гэ'эром был, считай, семья Ли в могилу свела.

У невестки дух перехватило. Неужто до смертоубийства дошло?

— Да не в том смысле, — осекли её. — Болезнь его скосила, а денег на лекаря не дали, пожадничали. Гляди мне, если разболтаешь кому — язык укорочу.

— Что вы, матушка, я ни слова.

В деревне старики и так всё знали — больно некрасиво тогда всё вышло. Тётушка просто не хотела, чтобы Ли Да услышал сплетни и обиделся.

— В семье Ли было трое сыновей: Ли Да, Ли Эр и младшенький — Ли Чжэнжэнь. Чуешь разницу? Старшим имена простые дали, а младшему — за три монеты у сюоя выкупили. Чтобы, значит, не чета нам, деревенским лаптям, был. Он у них всегда «золотым» числился, и ведь и впрямь в люди выбился...

Ли Чжэнжэнь родился, когда Старой госпоже Ли уже за тридцать перевалило. Старшие сыновья к тому времени уже свои семьи завели. Ли Да был парнем самым работающим и честным. Семья тогда бедствовала, на хорошую невесту денег не хватало, вот старуха и подыскала ему гэ'эра — выкуп за таких просили копеечный.

Второму сыну повезло больше — к его свадьбе в доме завелись деньги, и ему взяли обычную девушку. Вся семья тогда жила под одной крышей. Ли Да, рослый и сильный, пахал за троих. Все двадцать с лишним му земли на его горбу держались. Ли Эр же ловко отлынивал от работы, и только старший безропотно тянул лямку.

К рождению младшего семья Ли уже считалась в деревне зажиточной. На празднике по случаю месяца младенца кто-то в шутку ляпнул, мол, надо же, «старая наседка золотое яйцо снесла», больно уж мальчонка беленький да чистенький, на крестьянского сына не похож. Старуха Ли приняла это всерьез. Мало того что имя ученое купила, так еще и отдала сына старому учителю в науку.

— И что, матушка, неужто Ли Чжэнжэнь на сющая выучился? — с любопытством спросила невестка.

— Какое там... — фыркнула тётушка Ван. — Не успел он доучиться, как беда пришла. Жена Ли Да занемогла, и он потребовал раздела имущества.

Вот она, самая суть. Невестке не терпелось узнать, как из-за смерти человека можно было рассориться на всю жизнь.

— Ли Да — душа бесхитростная, всё до последней монеты в общую казну отдавал. А когда у его супруга выкидыш случился и нужно было его подлечить да подкормить, в кармане ни гроша не оказалось. Старая госпожа Ли вцепилась в деньги мертвой хваткой — на младшенького-то не жалела, а тут за каждую копейку удавить была готова.

— У а-де Чжоучжоу здоровье было подорвано, а тут зима, простуда... Нужно-то было всего ничего — лекарь да травы добрые. Но старуха жадничала: одну порцию лекарства по пять раз заваривала, пока там одна вода не осталась. Ну какой от того прок?

— ...Всю зиму промучился, а весной его не стало.

— Ли Да тогда как с цепи сорвался — потребовал раздела, хоть его и клеймили «непочтительным сыном». Но в деревне-то не слепые живут, все видели, что старуха творила. Не будь Ли Да, разве построили бы они такой дом? Кто бы в поле спину гнул, кто бы младшего в школу собирал?

— Старуха его и так и эдак костила, а он — в кремень. В итоге старосту позвали. Дали ему всего пять му заливных полей, и если бы староста не вступился, Старик Ли даже этот пустырь по соседству с нами не выделил бы.

Невестка только диву давалась. Понятно, что в семье всегда есть любимчики, но чтобы так... Жизнь старшей невестки — ни в грош, а старший сын — как вол в поле: работай до упаду, а ласки не жди.

— Сейчас-то Ли Да живет справно, неужто старуха не жалеет теперь? — спросила невестка.

Ей, как в сказках, хотелось, чтобы добро восторжествовало, а зло было наказано.

— Жалеет? Да она в городе теперь барыней живет, горя не знает, — тётушка Ван тяжело вздохнула. — Видно, судьба такая. Ли Да и его сын — люди с горькой долей.

— Как только Ли Да отделился, через пару лет в семье Ли с деньгами стало туго. Ли Чжэнжэнь дважды на экзаменах провалился и в итоге подался в город, в ресторан учеником. Уж не знаю, чем он там приглянулся старому счетоводу, но тот за него дочку отдал. Теперь младший Ли сам счетовод, дом в городе купил. Зачем ему теперь в земле ковыряться? Говорят, сидит себе, косточками на счетах щелкает и по двадцать лянов в год получает.

Тётушка Ван не скрывала зависти. Ли Чжэнжэнь разбогател и забрал родителей в город — до деревенского ли ему теперь дома Ли Да? Для него все здесь — просто мужичье.

— Ох, и впрямь повезло ему. Неудивительно, что они нос воротят, даже на свадьбу к Чжоучжоу не приехали.

Когда Ли Да жил в лачуге, тётушка Ван искренне ему сочувствовала и помогала. Но стоило ему подняться, обнести двор каменной стеной и построить дом под черепицей, как её сердце наполнилось завистью. Но теперь, вспомнив прошлое, она почувствовала облегчение. Уж лучше быть просто крестьянкой, чем пережить такое, как Ли Да.

— Они на него еще и обиду держат. Мол, если бы не раздел, Ли Чжэнжэнь мог бы дальше учиться и, глядишь, стал бы большим чиновником. Видела я вчера ту родню из второго дома... Пока тот в учениках ходил, а старуха в деревне жила, они со старшим еще хоть как-то знали. А теперь и смотреть в его сторону не желают.

— Тьфу! Ли Чжэнжэнь родителей кормит, а про братьев я что-то не слыхала. Ли Эр думает, что за хвост удачу поймал — каждый сезон в город мешки с зерном тащит, подлизывается. А что он с того имеет? Шиш.

Невестка слушала свекровь и думала: «Пусть это и бесчестно, но будь у моего мужа такой богатый брат, я бы тоже из кожи вон лезла. Не ради себя — ради детей, чтобы хоть грамоте обучились да в городе пристроились. Счетами щелкать за двадцать лянов в год — это тебе не в поле спину гнуть. Не зря второй дом Ли Да сторонится — боятся городскую родню прогневить».

В доме Ли, Ли Чжоучжоу развесил белье на веревках, натянутых во дворе. Часть вещей еще осталась в тазу. Утренние хлопоты затянулись, и время близилось к обеду.

Зимой в деревне обычно ели дважды в день, пропуская завтрак. Обедали рано — чем-нибудь жидким, да и на ужин не разносольничали. Только в страду, когда мужчинам нужны были силы для работы в поле, готовили сытно: лепешки или лапшу в полдень, а вечером — что-нибудь с мясом или густую кашу.

Семья Ли жила в достатке и ела трижды в день, хоть и не всегда с мясом.

На обед их было двое. Ли Чжоучжоу, развесив белье, засучил рукава и принялся месить тесто. Пока оно доходило, он сбегал в огород за капустой. Половины вилка как раз хватило. Мяса в доме не осталось, и юноша решил обжарить капусту на свином сале. Будь он один, просто сварил бы её вместе с лапшой, но для мужа хотелось чего-то повкуснее.

Он раскатал и нарезал лапшу, забросил её в кипяток, а сверху выложил аппетитную обжаренную капусту. Расставив миски в столовой, он невольно залюбовался супругом: тот сидел у окна, склонившись над бумагой, и сосредоточенно что-то писал. Тонкие черты лица Гу Чжао в тишине комнаты казались особенно изящными.

Ли Чжоучжоу уже хотел позвать его, боясь, что лапша размокнет, но Гу Чжао сам отложил кисть, сладко потянулся и обернулся. Их взгляды встретились. Сянгун мягко улыбнулся, и юноша, вспыхнув, поспешно отвел глаза, делая вид, что поправляет посуду.

Сердце в груди заколотилось так сильно, что ладони вспотели.

— Записался и не заметил, как время пролетело. А обед уже на столе!

Гу Чжао поднялся, разминая запястье. Выйдя в столовую и заметив, как Чжоучжоу прижимает руку к груди, он обеспокоенно спросил:

— Что с тобой? Нездоровится?

— Нет-нет, всё хорошо, — Чжоучжоу не знал, как объяснить, что его сердце пустилось вскачь от простой улыбки. Чтобы скрыть смущение, он подал мужу свежее полотенце вытереть руки.

Они сели за стол. Ли Чжоучжоу наблюдал за тем, как ест сянгун — неспешно, изящно, совсем не по-деревенски. И мысли снова вернулись к возвращению в отчий дом. Хоть тётушка Ван и не сказала прямо, но пропустить этот день означало выказать неуважение к семье мужа. А он, по незнанию, всё испортил.

«Теперь из-за меня сянгун потеряет лицо перед родней», — корил он себя, и эта горечь отразилась на его лице.

Гу Чжао отложил палочки.

— О чем ты грустишь? Что-то случилось?

— Нет...

— Чжоучжоу... — голос мужа был мягким, почти умоляющим, и перед этой интонацией юноша был совершенно безоружен. Он не выдержал и рассказал всё об обычае «саньчао хуэймэнь».

Гу Чжао выслушал его и замер.

«И только-то? — подумал он. — Я-то думал, он отрезанный ломоть...»

Видя, как искренне Ли Чжоучжоу переживает, Гу Чжао решил прибегнуть к проверенному средству. Он широко распахнул глаза и произнес с самым невинным и трогательным видом:

— Не вини себя, Чжоучжоу. Перед тем как я ушел из дома, отец сказал, что им не до меня. Мол, я только позорю их своим видом. Потому-то я и не стал напоминать тебе о возвращении.

Он виртуозно переложил вину на себя, лишь бы утешить супруга. Тот мгновенно забыл о своей оплошности.

— Твой отец... он правда так сказал? — выдохнул он.

— Да он и не бил меня особо, так, поругивал, — Гу Чжао придвинулся ближе, обнял Ли Чжоучжоу за пояс и уткнулся лицом в его широкую грудь. Приподняв голову, он посмотрел на него снизу вверх взглядом побитого щенка: — Чжоучжоу, ты у меня единственный... Теперь мой дом — здесь, в семье Ли.

Сердце Чжоучжоу сжалось от жалости.

«Боже, неужели его и впрямь били в той семье? „Не особо“ — значит, всё-таки случилось!»

Он ласково погладил маленького сянгуну по мягким волосам. Вся былая почтительность к семье Гу испарилась, сменившись глухим раздражением.

— Не грусти, сянгун.

— Хорошо... Раз ты просишь, не буду, — прошептал Гу Чжао, делая вид, что борется с чувствами, и еще плотнее прижимаясь к его груди.

На самом деле грусти не было и в помине.